

«ТЕТЬ МАТРЁН,
СВАРИ ЗАТИРУХИ...»

МНЕНИЕ НЕДЕЛИ

30 октября город отметил День памяти жертв политических репрессий. Единственный в году, когда выплывают боль и отмаливают клич «все на борьбу с врагами народа», брошенный в 1937-м. Молитвами поминальными – за души расстрелянных и умерших в трудовых. За здоровыми – за выживших.

Но стало ли покаяние все-народным, для всех? Как День народного единства или День Победы, когда со слоганами «Спасибо деду за Победу» на заднем стекле немецких, между прочим, машин по улицам носятся внуки, гордящиеся тем, что у них есть

память. Весь год мы храним молчание, и только 30 октября, в канун Дня народного единства, Россия словно на две части разваливается. В первой, немногочисленной, – те, кого репрессии миновали. Эти россияне уверены, что они – неизбежная плата виноватых, а то и вовсе считают, что это политологи-заказушники историю кошмарят. Вторая – во сто крат больше, и она, захлебываясь от обиды, перекивается: «Это потому, что не были расстреляны ваши отцы, мужья, братья».

В дату эту, не для всех, вспомнился рассказ женщины из сельсовета села Шубенка. Зимой 1942-го под Бийск привезли депортированных калмыков. В селе – бабы, дети малые да одноногий старик-скотник. В избу молодой солдатской вдовы Матрёны он принес на руках десятилетнего калмычонка, свернутого калачиком от голода и холода, единственного из своей семьи доехавшего до Сибири живым. У 25-летней вдовы – своих трое, кроме затирухи давно ничего не едавших. А тут – этот, худой, скуластый, смотрит затравленно раскосыми глазами и ни слова по-русски... Затируха, хлеб с мякиной, мерзлая картошка, собранная детьми по полям, – всем делилась Матрёна с Ильдаром. Через год выправился парень, забрали его в детдом, а там и след его потерялся. Матрёна неграмотна была – какая там переписка. Лет сорок после войны прошло, развехались ее выросшие дети. А тут как гром среди ясного неба по селу – у Матрёны рак. Запущенный. Спасти можно, но лекарств в Союзе не достать. В больницу ее увезли, цепляясь за последнюю надежду. Тяжелая операция – хирург шесть часов стоял у стола. А потом – реанимация, и, странное дело, пока тихая сельская бабушка не пришла в себя, врач все сидел рядом, поправляя капельницу, меняя бутылочки. Открыв глаза, Матрёна увидела над собой скуластое лицо, раскосый взгляд. Доктор улыбался: «Теть Матрён, свари мне затирухи, соскучился очень». Ильдар вернул долг. Матрёна прожила еще пятнадцать лет, правнуков понянчила.

Узнавая горестную историю народов, переселяемых с Поволжья на Алтай, с Алтая – в Нарым, кому в голову придет высчитывать этнический состав тех, кто подвергся репрессиям? Кто больше пострадал? Народы Кавказа, свои для «отца народов», оказавшиеся вдруг в Сибири. Эки, чье название стало производным от сокращенного «з/к», «заключенный каналоармеец». И почему бы в таком случае к списку репрессированных не добавить жертв террора Ивана Грозного. Уничтоженных североамериканских индейцев. Немцев, томившихся в концлагерях не только СССР, но и своей же Германии. Японцев со статусом граждан США, загнанных американцами в резервации накануне августа 1945 года. Список расширится, если пройтись по кладбищам, гражданским и гулаговским. Сколько их тут покоится, убиенных по сфабрикованным обвинительным приговорам?

Простить – не значит забыть. Простить – это попытаться разобраться, что же означает сегодня эта пресловутая немецкая вина, русская или любая другая с этнической окраской. Выступающие на митингах 30 октября по традиции обещают помнить ошибки прошлого и трагический опыт поколений. Вот только зависит это от одной, увы, не сформированной пока привычки. Привычки студента не забывать о трех приговорах, приведенных в исполнение в семье его бабушки и дедушки. Привычки общегородской, всероссийской, для всех.

Тамара ПОПОВА.

Фото Андрея ЧУРИЛОВА.

Под знаком судьбы

ЛИЧНОСТЬ

8 ноября отметит свое 90-летие Николай Григорьевич УСТЕНКО, почетный гражданин Барнаула.

Мы – земляки, учились и окончили Ключевскую среднюю школу одноименного района нашего края. Потом наши дороги разошлись. Встретились после окончания Отечественной войны в райкоме партии. Николай Григорьевич работал секретарем райкома, я – ответственным секретарем районной газеты «Ленинец». Вскоре Николай Григорьевич уехал на учебу в краевую партийную школу.

Я знал, что после ее окончания Устенко стал работать первым секретарем РК КПСС в Алтайском районе. И надо же было случиться, меня, молодого тогда редактора, направили на работу в этот район редактором районной газеты «Колхозник Алтай».

Николаю Григорьевичу как руководителю района пришлось нелегко. Но он проявил свои организаторские способности, умение работать с людьми, и в районе появились первые механизированные животноводческие комплексы с доильными установками. Потом район из отсталых вышел победителем краевого соревнования по надоям молока. Были достижения в зерновом производстве. Район занимал передовые позиции.

Краевые власти заметили деловые способности Николая Григорьевича и направили его в более крупный – Родинский – район. А мне после

Николай Григорьевич Устенко и сегодня в гуще событий.

окончания Высшей партийной школы дают путевку в этот район на вакантную должность редактора районной газеты «Дело Октября».

Приехал я в район в 1958 году в горячую пору подготовки к уборке хлеба. Район предоставил почетное право выступить инициатором краевого соревнования за большой хлеб Родине. Битва за хлеб только разворачивалась. Вдохновителем и организатором ее выступал первый секретарь райкома партии Н.Г. Устенко.

Хлеборобы района сдержали свое слово. Дали родному государству 11,6 миллиона пудов зерна. Столько район никогда не давал!

И районная газета была в первых рядах. Райком партии отметил наши заслуги, передал редакции свой автомобиль «Победа». Это была большая награда, если учесть, что ни одна редакция районной газеты края не имела тогда еще легковой машины.

После Родинского района наши дороги разошлись и сошлись вновь в крайисполкоме. Я работал заведующим кабинетом организационно-массовой работы крайисполкома. Николай Григорьевич возглавлял краевой отдел народного образования.

Я не терял из виду моего земляка. Узнал, что ему доверили ответственное дело: открытие института культуры. Доверие Н.Г. Устенко оправдал. Поставил институт на ноги, теперь это уже академия, которая дает квалифицированные кадры мастеров театрального и музыкального искусства.

Я вышел на пенсию. Получил садовый участок. И уже став садоводом, не знал, кто хозяин соседнего участка. Однажды подъехала легковая машина, и пассажиры вышли на соседний участок. Всмотревшись и вижу – это мои земляки Николай Григорьевич и его жена Вера Ивановна Устенко.

Николай Григорьевич вместе с женой стал всерьез заниматься дачными делами. Особую старательность проявила Вера Ивановна. Николай Григорьевич неоднократно говорил, что ему повезло с женой. А как повезло, я убедился, увидев ее за работой. Она как хорошая хозяйка сделала сад ухоженным, плодородным и чистым от сорняков.

Однажды я был свидетелем необычной картины. Соседка буквально подползла к грядке и старательно выдергивала сорную траву. Оказывается, Вера Ивановна упала и сломала ногу. Грядки заросли сорняками, и она, не дожидаясь окончания лечения, попросила отвезти ее на дачу.

И нельзя обойти молчанием предельную доброту Веры Ивановны. Однажды она позвонила мне и попросила прислать к ней моего правнука Дениску. Она испекла большой пирог для меня. Сам я по существу лежачий больной. Упал и сломал шейку бедра. Пирог мне понравился: с картошкой и луком. Такие пироги ел в школьные годы. Мама пекла в русской печке.

Наша дружба крепла. Многолетняя совместная работа, жизненная практика сблизили нас с Николаем Григорьевичем, как братьев. Кстати, из семьи в девять душ детей я остался один. Братья-фронтовики умерли. И земляк тоже один, без братьев. Два брата пали смертью храбрых на фронте.

Судьба даровала нам долгую жизнь. И я, и мой сосед-земляк благодарны ей и радуемся жизни.

Николай Никанорович ГРИГОРЬЕВ, член Союза журналистов СССР.
Фото Андрея ЧУРИЛОВА.

Двигатель был сделан под открытым небом

БЫЛОЕ

6 ноября 1942 г. был выпущен первый двигатель на заводе «Трансмаш», а тогда – просто завод 77.

– Алла, а у тебя папа где работает?

– На 77-м.

– Счастливая, мне мама говорила, что на этом заводе валенки выдают!..

Этот разговор происходил между двумя шестилетними девочками страшной зимой 1942 г. И с тех пор понятие «завод» вошло в мою жизнь наравне с понятиями «мама» и «папа». Нас, военных детей, привезли вместе с людьми и заводским оборудованием сначала из приморского города Николаева, а на Украине, в Сталинград. Только наладили там производство вместе со Сталинградским тракторным, как немцы подошли к Волге. И вот тогда мы впервые услышали слово «Барнаул». Отец и дед пришли в промерзший барак и сказали: «Надо собираться в Сибирь, в г. Барнаул, туда эвакуируют завод».

А потом была страшная переправа через Волгу, когда фашистские летчики старались разбомбить именно те теплушки, на крышах которых были нарисованы белые кресты. Это значило, что в этих вагонах ехали женщины и дети. Вот по ним-то больше всего и целились. Много людей тогда погибло.

Барнаул встретил нас теплыми августовским днем 1942 г. Всех заводских разместили на Горе, на ул. Аванесова. Транспорта в городе никакого не было, и родители наши ходили пешком с Горы до проходной завода. Зимой начались жуткие морозы, и люди, чтобы не ходить туда-обратно, ночевали прямо у станков на ящиках. Но на фронте было еще труднее. Шла жесточайшая вой-

на, фронту требовались танки, а на танки нужны двигатели. И перед заводом была поставлена жизненно важная задача: наладить быстрейший выпуск двигателей для боевых машин. И вот прямо под открытым небом развернули цеха. Молодые мужчины воевали на фронте, поэтому в цехах было много женщин и подростков, которые даже до станка не доставали, и им приходилось подставлять ящики. Несмотря на все трудности и лишения, 6 ноября 1942 г. первый двигатель был собран людьми полуголодными, плохо одетыми, почти под открытым небом, но, несмотря ни на что, выполнившими задание Родины! И теперь этот день мы по традиции считаем днем рождения завода.

Но ведь людям нужно было где-то жить, питаться, лечиться. Началось строительство бараков. Поселок назвали Западным. Получить комнату в бараке считалось огромным счастьем. В беленьком бараке, покрашенном известью, была и санчасть завода, а в современном виде она появилась гораздо позже.

Вот так и жили, работали до упаду, и каждый как мог приближал долгожданный День Победы. И вот наступил этот день! Мне было десять лет. Никогда не забуду 9 мая 1945-го. Было очень тепло и солнечно. Мы играли в песке возле дома, а домик частный стоял на том месте, где сейчас кинотеатр «Россия». Прибежал отец (почему-то среди дня), взволнованный, по щекам катились слезы, закричал: «Победа! Победа!». Подхватил меня на руки, посадил себе на шею, и мы вместе со многими другими людьми побежали по Ленинскому проспекту, на котором в ту пору были проложены деревянные тротуары, а на месте теперешней аллеи был песок. Все мы бежали к проходной завода. Завод был для нас настолько родным, что где же еще встретить такой долгожданный праздник, как не у его стен? Бежали жены, дети, сами рабочие, и когда у проходной со-

бралась огромная толпа, вышло все руководство завода, поставили ящик на ящик, и на эту импровизированную трибуну помогли встать тогдашнему директору завода Николаю Григорьевичу Чудненко. Он всегда носил военный френч, выглядел худым и очень усталым. От волнения он несколько раз пытался начать говорить, но ему мешали слезы. Потом он немного успокоился и сказал: «Дорогие мои! Дожили мы с вами до этого светлого Дня Победы!». И поблагодарил всех, от главного инженера до технички.

А потом стало легче. Параллельно с реконструкцией и расширением завода строился жилой поселок, который потом прозвали «дворянским гнездом», клуб, больница на Петра Сухова. Вскоре после войны на 18-м разъезде были открыты пионерский лагерь и детская дача, где отдыхали дети заводчан.

Никогда не забуду чувство гордости за родной завод, которое охватывало, когда по большим праздникам – на Первомай или 7 Ноября – во время демонстраций диктор громко вещал: «А сейчас на площадь выходят колонны трудящихся флагами отечественного дизелестроения – ордена Ленина завода транспортно-го машиностроения имени Ленина! Ура!». Честное слово, у нас, шедших в этих колоннах, аж мурашки по коже от гордости за родной коллектив и от сознания его значимости в то время.

Настали другие времена, и завод стал другим. Давно ушли наши отцы, те, кто рыл под снегом котлованы под будущие цеха, но живы их дети и внуки, для которых и сейчас слово «Трансмаш» – не пустой звук. Обращаясь к сегодняшним трансмашевцам, я хочу сказать: «Любите наш завод, дорожите им, как это делало ушедшее поколение, не роняйте его славу и доброе имя!».

С днем рождения, родной завод!

Алина РОССИЙСКАЯ.